

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ПРИНЦИПОВ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

ON THE CORRELATION OF CLASSICAL RATIONAL KNOWLEDGE AND THE PRINCIPLES OF POSTSTRUCTURALISM

V. Vagaitsev

Summary: The article highlights the problem of the relationship between the attitudes of classical rationality and the philosophical principles of poststructuralism. The relevance of the problem is due to the state of modern philosophical knowledge. That is, on the one hand, there is a noticeable process of philosophical creativity based on processing and a detailed study of philosophical heritage, and, on the other hand, attempts are being made to apply poststructuralist ideas in constructing philosophical concepts (A.K. Sekatsky, S.I. Korovin, P.V. Krusanov and others). The article also indicates the characteristic features of the poststructuralist discourse, their significance as opponents of the methods of classical rationality.

Keywords: classical rationality; poststructuralism; decentration; deconstruction; rhizome; intertextuality.

Вагайцев Вячеслав Михайлович

преподаватель, Барнаульский юридический институт
МВД России, г. Барнаул
bacha1972@mail.ru

Аннотация: В статье освещается проблема соотношения установок классической рациональности и философских принципов постструктурализма. Актуальность проблемы обусловлена состоянием современного философского знания. То есть, с одной стороны, замечен процесс к философскому творчеству на основе переработки и детального изучения философского наследия, а, с другой, осуществляются попытки применения постструктуралистских идей при построении философских концепций (А.К. Секацкий, С.И. Коровин, П.В. Крусанов и др.). Также в статье указывается на характерные особенности постструктуралистского дискурса, их значении в качестве оппонентов методам классической рациональности.

Ключевые слова: классическая рациональность; постструктурализм; децентрация; деконструкция; ризома; интертекстуальность.

По мысли Т. Куна, научная парадигма заменяется другой по средствам научной революции. И думается, что мыслители Нового времени осуществили такую революцию, заменив средневековые установки мышления на принципы новоевропейской философии, ключевым звеном которых выступает великая человеческая разумность. Из пространства мысли были также удалены пережитки средневековой научности. Теоцентризм сменил антропоцентризм, за человеком закрепилось право на свободу и на творчество, природа трансформировалась из низшей материи в площадку для проведения научных экспериментов и пр. Но можно ли утверждать о том, что подлинно коренных изменений научная революция Нового времени не принесла?

В метафизических координатах изменилось лишь наименование точки отсчета. Субстанциональное начало Б. Спинозы можно сравнить и элеатовским Бытием, и с Перводвигателем Аристотеля, и с Единым в платонизме и т.д. Абсолют можно идентифицировать через одни и те же признаки; он существовал всегда, потому как не был никем сотворен, он обладает подлинным знанием, на основе которого создает физический мир, он непознаваем, но мудрецы способны интуитивно уловить его присутствие. Ярким примером новоевропейской метафизике субстанции выступает учение Г. Гегеля об абсолютной идее. Идея, переживая состояние ничто, осознает себя

как нечто (нечто переживающее), далее идея-нечто творит физический мир и как бы растворяется в нем для того, чтобы через человеческий разум, который охвачен философской рефлексией, предстать перед собой же [4].

Ноевропейская теория познания охвачена попытками постижения рациональным знанием трансцендентного объекта. Однако субъект познания вынужден довольствоваться данными, полученными по средствам чувств, на основе которых он накапливает эмпирический опыт. Рефлексия над трансцендентным приводит субъекта к неразрешимым противоречиям (мир конечен или бесконечен, бог есть или бога нет и пр.) [6]. Пессимизм в отношении познавательных способностей человека присутствует еще в греческих мифологемах, действующие лица которых получают наказания от богов за то, что они пытались завладеть знанием о трансцендентном. Метафизическими истинами могут оперировать только боги.

Тем не менее, европейское сознание никогда не оставляло попыток прорыва к трансцендентному, оно всегда страдало от тяги к подлинному. И этот внутренний надлом привел субъекта к дурному кругу в процессе познания – помыслить объект тождественно наложить на него свои смыслы. Познать объект — значит присвоить ему собственное понимание. К примеру, архитекто-

ру город кажется в качестве схематичного плана улиц и домов, для полицейского город, скорее всего, будет разделен на районы с большим и меньшим криминогенным уровнями, художник будет рассматривать город как своеобразную арт-среду, элементы которой следует отразить на холсте. И такое положение субъекта познания заметно и в немецкой классической философии, и в позитивизме, и в философии жизни, и в феноменологии, и в экзистенциальной философии, и в герменевтике.

Историю XX века можно охарактеризовать как время великих потрясений; произошли две Мировые войны, множество локальных конфликтов и, как их следствие, появление терроризма, случались эпидемии, голод и другие кризисы (политические, экономические, социальные и пр.). Европейская рациональность не покорила природу, ей не удалось создать и крепкой политической конфедерации, европоцентризм теперь можно считать пустым понятием. Бытие человека так же ускользает из фокуса внимания. Человек считает себя одиноким, заброшенным. Он утратил веру в бога, в прогресс, в мораль. Другой для человека воспринимается в качестве опасного чужака, который ограничивает его свободу. Ж.-П. Сартр замечает: «Ад – это другие».

Человек XX века – это ни микрокосм, желающий единство с Абсолютом, это ни субъект познания, скрупулезно исследующий вещь и понятие, это ни моральное существо, рефлексирующий над этическими и над эстетическими образованиями. Человек XX века суть неизвестный или как охарактеризовал его А. Камю – посторонний. Его окружают симулякры, которые создавались на протяжении 2500 лет европейской рациональностью [2]. Удалить эти симулякры из интеллектуально-культурного пространства предложили во второй половине XX века представители постструктурализма.

Основным принципом постструктуралистских учений принято считать принцип деконструкции. Недаром постструктуралистов в научном сообществе называют деконструктивистами. Деконструкция осуществляется за счет удаления из философского вопрошания элементов, которые обладают как бы, сверхпризнаками – истинность, непротиворечивость, безусловность и пр. Такие элементы укорены в философском дискурсе слепой надеждой на познание Абсолюта. Весь гносеологический потенциал человека устремлен на познание абсолютной истины. Постструктуралисты подвергают критике онто-телео-фалло-фоно-лого-центризм. Философия постструктурализма представляет собой ни что иное, как рефлексия над Многим, в ней отсутствуют устоявшиеся, «мертвые» конструкты. Учения постструктуралистов, как правило, полисемантически. Иными словами, они разрабатывают свой философский язык, оперируют своими понятиями.

Принцип деконструкции в постструктурализме связан с принципом децентрации. Типичным образом классического рационального знания является дерево; этакий могучий дуб с широким стволом и с раскидистыми ветвями. В этом образе ствол дерева может быть истолкован как проявление Единого, а ветви представляют собой виды знания (науки), которые изливаются от ствола как от источника. Постструктуралисты обращают свое внимание на корневище дерева, обозначая его понятием «ризомы». «Ризома так устроена, – пишет У. Эко, – что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична. Пространство догадки – это пространство ризомы» [9, с. 63].

Ризома суть явление неисчерпаемого полисемантизма постструктуралистской мысли. Ризома охвачена четырьмя ключевыми принципами:

1. Принцип гетерогенности. Действие принципа сводится к тому, что любые точки ризомы соотносимы друг с другом. В постструктурализме нет обособленных категорий. Постструктурализм выступает в качестве пространства эклектики, в котором Сократ может вести диалог о справедливости с В.И. Лениным.
2. Принцип множественности. Ризома наполнена бесконечным множеством точек.
3. Принцип «незначашего разрыва». В ризоме не могут существовать бинарные пары. В постструктурализме добро не может быть определено через зло, истина – через заблуждение и т.д.
4. Принцип детерриториализации. Любая точка ризомы уникальна, ризому не следует делить на центр и периферию.

Ж. Деррида, как яркий представитель постструктурализма, полагал, что мысль следует как бы рассеивать в потоке текстов и интерпретаций. «Все есть текст»: провозглашает французский философ. Бытие ему видится в качестве собрания текстов, смыслы которых переплетены словно корни ризомы, а точки их пересечения – это акты интерпретации. Поэтому в тексте всегда содержится другой текст. Бытие объято принципом интертекстуальности. Интертекстуальное мышление представляет собой несистемное, а, лучше, внесистемное размышление над смыслом. «Смысл» в постструктурализме не следует сводить к «сущности» в классической рациональности. Постструктуралистское осмысливание есть свободный акт, в котором отсутствуют притязания на целостное восприятия, это, скорее, игра с текстуальными образами, это прогулка по «саду расходящихся тропок» [3].

Таким образом, подводя итоги статьи, отметим то, что мы выделили три основных принципа постструктуралистской парадигмы: принцип деконструкции, принцип

децентрации и принцип интертекстуальности. Эти принципы обнажили как бы мертвые слои классического рационального знания. Идеологи постструктурализма указали на формы западной культуры, которые изжили

себя. Такие структуры классической рациональности следует подвергнуть реформации. И в данном случае опыт постструктурализма выступает надежным основанием для предстоящего просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци, Э. Человек как предмет философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 24-35.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Борхес, Х.Л. Сад расходящихся тропок / Х.Л. Борхес. – М.: Амфора, 2007. – 51 с.
4. Гегель, Г. Наука логики: в 3 т. Т. 1 / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
5. Деррида, Ж. О грамματοлогии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
7. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 605 с.
8. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.
9. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 92 с.

© Вагайцев Вячеслав Михайлович (bacha1972@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Барнаульский юридический институт МВД России